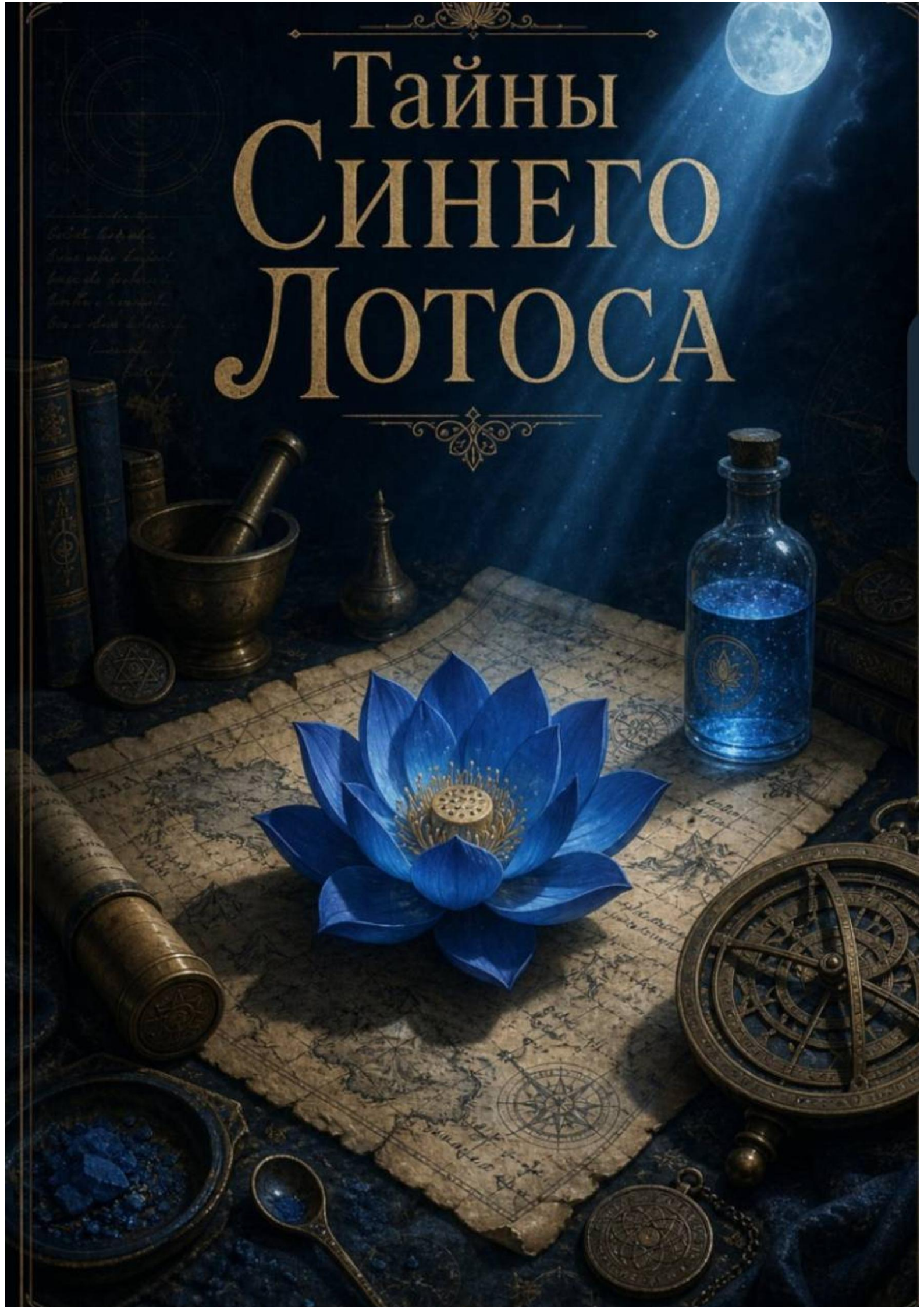

Тайны СИНЕГО ЛОТОСА

Aiden Lewin

Тайна синего лотоса

«Автор»

2026

Lewin A.

Тайна синего лотоса / А. Lewin — «Автор», 2026

Королевство Элизия охвачено страхом: аристократов находят мёртвыми в запертых покоях с загадочной улыбкой и лепестком синего цветка на губах. Никаких следов, никакого яда — только магия, запрещённая и смертоносная. Король созывает Совет Семи — лучших умов королевства.

© Lewin A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Aiden Lewin

Тайна синего лотоса

Глава

Тайны Синего Лотоса Aiden Lewin

Глава 1: Узор из лепестков

Предрассветный туман стелился над мостовыми, превращая знакомые улицы в чернильные разводы на сером камне. Ким Намджун переступил через лужу, отражавшую бледное небо, и остановился у края фонтана.

Вода давно не была - фонтан пересох ещё прошлой зимой, и теперь чаша стояла пустой, высланная прелыми листьями и мусором. Тело лежало на дне, будто кто-то аккуратно уложил его для сна. Мужчина средних лет, дорожный плащ из хорошей шерсти, сапоги без пыли - не бродяга, не бедняк. Лицо спокойное, почти умиротворённое, словно смерть пришла без боли.

Намджун присел на корточки, опираясь ладонью о край фонтана. Шероховатый известняк охлаждал пальцы. Он смотрел на лепесток - синий, почти чёрный в этом свете, - аккуратно положенный на грудь мертвеца. Не брошенный, не прилипший случайно. Размещённый.

Сзади кашлянул стражник. «Господин картограф, его светлость велели передать, что вы нужны в башне к полудню. Это... это можно забрать?»

«Нет, - Намджун не обернулся. - Ничего не трогать. Ни тела, ни лепестка. Пусть стоит до приезда следователя Инквизиции».

Он достал из сумки сложенный лист бумаги и огрызок угля. Быстрыми, точными штрихами зарисовал положение тела: угол наклона головы, направление рук, разворот ступней. Затем поднялся и отошёл на несколько шагов, определяя расстояние до ближайших зданий, до колодца на углу, до старого вяза, чьи корни вздыбили плиты.

Странная точность. Слишком странная.

Намджун развернул карту города - ту, что сам вычерчивал три года назад, выверяя каждый квартал, каждый переулок. Он приложил угол листа к углу фонтана, провёл пальцем линию от тела к северному выходу с площади. Потом ещё одну - к старой колокольне. И ещё.

Совпадение. Должно быть совпадение.

Тело лежало ровно на пересечении двух воображаемых линий, которые делили эту часть города на равные сегменты. Если продолжить их, если провести окружность радиусом в тридцать шагов...

Намджун замер, глядя на собственный рисунок. Уголь крошился под пальцами, оставляя на бумаге чёрные пятна.

«Господин картограф?» - стражник всё ещё стоял за спиной, переминаясь с ноги на ногу.

«Скажите его светлости, что я буду к полудню. И передайте, чтобы прислали мне списки всех найденных тел за последние два месяца. Любых тел. Не только тех, что сочли убийствами».

Стражник помялся, но не решился спорить. Шаги затихли в тумане.

Намджун остался один. Он снова посмотрел на тело, на синий лепесток, на расплывающиеся в утреннем свете контуры города. Где-то далеко закричал петух, застучали колёса телеги по бульвару - столица просыпалась, не зная, что под её ногами, на дне высохшего фонтана, кто-то вычертил первую точку.

В башне пахло старым пергаментом и пылью, осевшей в щелях между дубовыми досками пола. Намджун поднялся по винтовой лестнице, считая ступени - привычка, оставшаяся с детства, когда отец учил его измерять мир шагами. Одиннадцать до первого пролёта, четыр-

надцать до второго, девять до площадки. Дверь подалась с лёгким скрипом, и он вошёл в комнату, где проработал пять лет.

Карты лежали на столе, свёрнутые в плотные трубки, перетянутые бечёвкой. Сотни листов обмеры кварталов, схемы акведуков, планы крепостных стен. Он знал каждую линию, каждый изгиб реки, каждую трещину в мостовой, отмеченную на кадастре три года назад.

Намджун разложил главный лист - карту столицы в масштабе один к тысяче, вычерченную тушью и акварелью. Края пожелтели, на сгибах проступили тёмные полосы от пальцев. Он придавил углы медными гирьками и стоял, глядя на сетку улиц, на прямоугольники площадей, на круги фонтанов и колодцев.

Пять тел за два месяца. Стражник принёс список к полудню, как велели. Намджун продиктовал ему координаты - он помнил каждое место из донесений, которые прежде просматривал мельком, не придавая значения. Первое - у старых городских ворот, там, где сходятся две дороги. Второе - на пустыре за кожевными мастерскими, ровно в центре заброшенного колодца. Третье - в подворотне у рынка, на пересечении линий водосточных желобов. Четвёртое - на паперти часовни Святого Лазо, у самого порога.

И пятое - сегодняшнее. В фонтане на площади Трёх Фонарей.

Он взял тонкую кисть, окунул в красную тушь и поставил точки на карте. Одна. Вторая. Третья. Четвёртая. Пятая.

Потом отступил на шаг.

Ничего. Просто россыпь, случайный узор, какой мог оставить пьяный землемер или ребёнок, водящий пальцем по карте.

Намджун потёр переносицу. Тусклый свет из узкого окна падал на стол косо, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. Он сдвинул гирьки, повернул карту - сначала на четверть оборота, потом ещё. Ничего.

Тогда он достал циркуль.

Раздвинул ножки на ширину ладони, поставил остриё в первую точку - у городских ворот. Провёл окружность. Потом из второй точки - у кожевнных мастерских. Ещё одну. Из третьей, четвёртой, пятой.

Дуги пересеклись. Не хаотично, не случайно. Они сошлись в одной зоне - в центре Старого квартала, там, где стояла заброшенная обсерватория, запертая ещё во времена прадеда нынешнего короля.

Сердце забилось ровнее, будто нашупало ритм, который давно искало. Намджун снова раздвинул циркуль, теперь шире - на длину предплечья. Окружность из центра обсерватории прошла точно через все пять точек. Он проверил расстояние от обсерватории до каждого ворот - двадцать три шага с небольшим. От обсерватории до пустыря - двадцать три. До рынка - двадцать три. До часовни - двадцать три. До площади - двадцать три. Он замер. Пальцы дрогнули, и циркуль звякнул о медную гирьку.

Правильный пятиугольник. Вписанный в окружность радиусом в тридцать три шага старинная мера, которую использовали архитекторы позапрошлого века. Каждое тело лежало точно в вершине. Каждая вершина указывала на центр.

Намджун опустил на табурет, не чувствуя ног.

Кто-то убивал людей не из жестокости. Не из мести или страсти. Убийца выверял расстояния, выбирал места, следовал чертежу, который Намджун только что восстановил на бумаге. Геометрический контур. Основа призывающего круга, о котором он читал в запретных фолиантах, спрятанных в нижних ярусах библиотеки.

Он снова посмотрел на карту. Красные точки горели на жёлтом пергаменте, как капли крови на застарелой коже. Пять вершин. Пять жертв.

Но любой магический круг, даже незавершённый, требует шестой точки. Шестой вершины. Шестой смерти.

Намджун провёл пальцем по линии от обсерватории к площади Трёх Фонарей - туда, где лежало пятое тело. Линия упиралась в край карты. Если продолжить, если развернуть чертёж на полный оборот...

Он прикусил губу.

Шестая точка ложилась ровно на королевский дворец. В тронный зал. Под ноги тому, кто сидит на престоле.

За окном прокричали чайки, ветер качнул ветви старого вяза, и тень от листьев скользнула по карте, на миг скрыв красные точки. Намджун сидел неподвижно, глядя на линию, ведущую к трону, и впервые за долгие годы не знал, что должен делать с тем, что увидел.

В зале герцога Ласкариса пахло воском и жасмином. Свечи оплывали на бронзовых канделябрах, роня горячие капли на скатерти, и слуги бесшумно сменяли оплывшие огарки новыми, не прерывая течения ужина.

Ким Сокджин сидел по правую руку от хозяина, третьим от главы стола. Место точное достаточно близко, чтобы герцог чувствовал честь, достаточно далеко, чтобы не попасть под прямой свет его подозрений. Сокджин поправил кружевной манжет, улыбнулся соседке слева - толстой баронессе с бледным лицом и жадными глазами - и поднял бокал.

-

За урожай, - сказал он. - И за тех, кто умеет ценить хорошее вино.

Баронесса хихикнула, прикрывая рот ладонью. Сокджин сделал глоток. Вино было кислым, с привкусом дубовой бочки, которая отдала всё, что могла, десять лет назад. Он пил мелкими глотками, растягивая удовольствие, которого не было.

-

Вы слышали, милорд? - спросила баронесса, наклоняясь ближе. Корсет скрипнул, и Сокджин уловил запах застоявшихся духов, смешанный с потом. - О тех находках за воротами.

-

Слышал, - сказал он легко. - Говорят, стражники нашли пьяницу в канаве. Такое случается каждую неделю.

-

Но говорят, у него на груди был... - она нервно оглянулась, понизила голос до шёпота, в котором тонули согласные, - ...цветок. Синий. Из лепестков.

Сокджин поднёс бокал к губам, спрятал улыбку за стеклом.

-

Баронесса, - сказал он мягко, почти ласково. - В трущобах полно сумасшедших, которые вырезают из тряпок всё, что угодно. Если каждый такой случай принимать всерьёз, нам придётся окружить город армией духовников.

Она хотела возразить, но с другого конца стола донёсся голос - низкий, маслянистый, принадлежащий советнику казначейства, лорду Стеллиану.

-

Очищение - это не суеверие, ваша светлость. Это вопрос времени.

Сокджин повернул голову. Стеллиан смотрел прямо на него, и в глазах советника мерцал холодный, твёрдый свет, не имеющий ничего общего с опьянением. Он был трезв. Абсолютно трезв.

-

Очищение? - переспросил Сокджин, поднимая бровь. - Звучит как название нового сорта эля, который варят в монастырях.

За столом засмеялись. Кто-то стукнул кружкой. Стеллиан не улыбнулся.

-

Вы слишком молоды, чтобы помнить, что было до чистки архивов, - сказал советник тихо, так, чтобы слышали только ближайšie соседи. - Но я помню. И те, кто постарше, тоже помнят. Узор не терпит пустоты. Пять точек - только начало. Когда замкнётся шестая...

-

Стеллиан, - перебил его герцог Ласкарис, нахмурившись. - Не портъ вечер. Дай людям насладиться ужином.

Советник замолчал, но взгляд его остался прикованным к Сокджину, будто он ждал чего-то - узнавания, страха, понимания.

Сокджин вернулся к вину. Кислое. Тёплое. Он сделал ещё глоток, чувствуя, как на затылке шевелятся волоски - старая реакция, которую он научился скрывать за улыбкой и небрежными жестами.

-

Пять точек, - повторил он, когда разговор за столом перетёк на цены на зерно. Сказал почти про себя, словно пробовал слова на вкус.

Баронесса снова наклонилась к нему.

-

Вы не боитесь, милорд? Говорят, в Старом квартале нашли знаки. На стенах. Чёрные, как уголь. И в часовне, перед самым порогом, лежало что-то...

-

Что-то? - переспросил Сокджин, поворачивая к ней лицо. Улыбка на губах, глаза холодные. - Что именно?

-

Не знаю. Никто не знает. Те, кто видел, молчат. Или их заставили замолчать.

Она замолчала, поняв, что сказала лишнее. Прижала салфетку к губам. Пальцы её дрожали.

Сокджин медленно опустил бокал на стол. Гранёное стекло звякнуло о дерево - тихо, но звук пролетел сквозь гул голосов, как острая игла сквозь плотную ткань.

-

Сударыня, - сказал он, накрывая её пальцы своей ладонью. Кожа тёплая, сухая. - Боитесь вы напрасно. Пьяные бредни всегда кажутся страшнее, когда на них смотришь в темноте. Наутро их развеивает свет.

Он поднялся, поклонился герцогу, извинился перед баронессой ссылкой на головную боль и вышел из-за стола.

В коридоре было прохладно. Слуги не стояли на посту - в час ужина они все были заняты на кухне и в зале, и Сокджин остался один, лицом к лицу с длинным рядом пустых канделябров и тёмных ниш.

Он остановился у окна. Внизу, за стенами особняка, город лежал чёрной массой крыш и теней, кое-где проткнутой редкими огнями. Площадь Трёх Фонарей. Пустырь за кожевенными. Ворота. Часовня. Колодец.

«Пять точек. Когда замкнётся шестая...»

Сокджин провёл пальцем по холодному стеклу, очерчивая круг. Воск на подоконнике застыл бесформенной лужицей. Он надавил - палец оставил след, тонкую дугу на запотевшей от его дыхания поверхности.

«Чушь, - подумал он, отходя от окна. - Просто пьяные аристократы пугают друг друга.

Завтра они забудут, о чём говорили, и вернуться к сплетням о любовницах и лошадях».

Но в кармане его камзола лежало письмо из восточных земель, полученное утром. Управляющий писал о странных смертях в приграничных деревнях. О рисунках на дверях. О шёпоте, который переходил из дома в дом, как зараза.

Наутро. Он подумает об этом наутро.

Кабинет капитана городской стражи пах кожей и сыростью. Стены были увешаны картами старых патрульных маршрутов, испещрённых пометками, которые никто не обновлял уже год. Свеча на столе догорала, оплывший воск стекал на деревянную подставку, и в маслянистом свете тени дрожали на лице Ноа, когда он поднял голову от бумажки.

Намджун стоял у порога. План города лежал перед ним на столе - развёрнутый, придавленный по краям медной чернильницей и тяжёлым подсвечником. Пять красных точек. Красный пунктир, соединяющий их в почти правильный пятиугольник. И тонкая линия, проведённая от центра, уходящая за край пергамента, туда, где стоял дворец.

-
Выглядит красиво, - сказал Ноа, не поднимая глаз. - Для рисунка.

-
Это не рисунок, - сказал Намджун. - Это схема.

Ноа хмыкнул. Он откинулся на спинку стула, и дерево жалобно скрипнуло под его весом. Капитан был крупным человеком - широкие плечи, короткая стрижка, седина на висках, ввешаясь в кожу глубокими морщинами. Он смотрел на Намджуна с усталостью человека, который уже слышал слишком много теорий от слишком умных людей.

-
Я читал ваш отчёт, - сказал Ноа. - Трупы. Лепестки. Точки на карте. Всё это очень... наглядно.

-
Тогда вы понимаете, - Намджун шагнул ближе, ткнул пальцем в карту, - что эти точки не случайны. Расстояние между ними одинаковое с точностью до фута. Я проверил трижды.

-
И что?

-
Это значит, что кто-то их рассчитывал. Кто-то знал геометрию города. Знал, где встать, чтобы оставить тело, и знал, что это не просто убийство. Это построение.

Ноа поднял глаза. Взгляд тяжёлый, прямой, без тени сомнения.

-
Вы картограф, - сказал он. - Вы рисуете линии. Вы считаете шаги. Вы смотрите на мир как на лист бумаги. Но мир - не бумага. И то, что вы нарисовали, - это не доказательство.

-
Это узор.

-
Это ересь, - сказал Ноа, и слово упало в тишину кабинета тяжёлым камнем. - Если этот лист попадёт в руки Инквизиции, вас сожгут не за убийства - за колдовство. Вы понимаете это?

Намджун молчал. Он смотрел на свои пальцы, всё ещё лежащие на карте, на красные точки, которые он сам нанёс тушью сегодня на рассвете, когда в башне было тихо и холодно, и только свеча горела рядом с циркулем.

-
Я не прошу вас верить, - сказал он наконец. - Я прошу проверить.

-
Проверить что? - Ноа встал, стул с грохотом отъехал назад. - Что в Старом квартале действительно нашли тело неделю назад? Я знаю. Что в кожевенном переулке на рассвете наткнулись на труп с синим лепестком на губах? Я знаю. Это всё есть в протоколах. Но этого мало, чтобы рисовать круги на карте и говорить, что завтра рухнут стены.

-
Шестая точка, - сказал Намджун тихо. - Она указывает на дворец.
Ноа замер.

На мгновение в кабинете стало тихо - так тихо, что слышно было, как за окном капает вода с крыши, падая на каменный подоконник тяжёлыми, редкими каплями.

-

Вы хотите сказать, - произнёс Ноа медленно, - что следующее убийство произойдёт во дворце.

-

Я хочу сказать, что если кто-то замыслил завершить узор, то следующая точка должна быть там. Я не знаю, кем будет жертва. Я не знаю, когда это случится. Но я знаю, где.

Ноа провёл ладонью по лицу. Жест усталый, почти грубый. Он подошёл к окну, распахнул ставни, и в комнату ворвался влажный ночной воздух - холодный, с примесью дыма и гниющих отбросов с улицы.

-

Убирайте это, - сказал он, не оборачиваясь. - Сожгите. Забудьте. И не показывайте больше никому.

-

Капитан.

-

Я сказал - убирайте. - Ноа повернулся. Лицо его было твёрдым, как камень. - Я не знаю, кто вы на самом деле и зачем пришли в стражу с этой картой. Может быть, вы ищете правду. Может быть, вы ищете, кого обвинить. Может быть, вы просто сумасшедший, который слишком много сидел в башне и слишком мало дышал свежим воздухом. Но я отвечаю за порядок в этом городе. И я не позволю, чтобы слухи о еретических кругах и жертвоприношениях разнеслись по рынкам и тавернам. Люди боятся. А испуганные люди делают глупости.

Намджун медленно свернул карту. Край пергамента скользнул по столу, задел чернильницу, и та качнулась, но не упала. Он поднял план, прижал к груди, чувствуя, как под пальцами холодеет бумага.

-

Я не прошу вас верить, - повторил он. - Я прошу запомнить.

Ноа ничего не ответил. Он стоял у окна, спиной к свету, и лицо его оставалось в тени.

Намджун вышел в коридор. Дверь за ним закрылась с глухим стуком, и замок щёлкнул, замыкая кабинет изнутри.

В коридоре было пусто. Факелы на стенах догорали, коптели, и в их чадном свете тени текли по каменным плитам, как вода. Намджун остановился, прислонился спиной к стене, закрыл глаза.

В кармане его сюртука лежала игла от циркуля. Острая. Тонкая. Он вынул её, повертел в пальцах, и в тусклом свете она блеснула, как маленькая молния.

«Пять точек, - подумал он. - Шестая - во дворце. Или на площади, где будет турнир. Или в часовне. Или...»

Он развернул карту, прижал её к стене, провёл пальцем по линии, выходящей за пределы пергамента. Линия уходила в пустоту, за край, туда, где не было нарисовано ни улиц, ни зданий, ни стен.

Только пустота.

Намджун свернул карту снова, спрятал в сюртук, и пошёл по коридору, слушая, как под его сапогами отзываются камни. Сзади, за закрытой дверью, молчал капитан. Спереди, за поворотом, ждала ночь - и, возможно, шестая точка, которую он уже не сможет ни счесть, ни забыть.

Коридор кончился, и Намджун вышел во двор. Ночной воздух ударил в лицо - сырой, холодный, с привкусом угля и уходящей осени. Он остановился под навесом, прислонился плечом к каменному столбу и замер, слушая тишину.

Где-то вдалеке лаяла собака. Рынок спал. Патрульные на стенах перекликались редко, со скукой в голосах - ночь была обычной, тихой, и никто ещё не знал, что утром всё изменится.

Намджун не пошёл в башню. Он обогнул казармы, прошёл мимо пустых конюшен, вышел к дворцовой ограде. Стоял, глядя на шпили, уходящие в тёмное небо, на окна, за которыми ещё горел свет - там, где заседал Совет, где лорды спорили о налогах и границах, не зная, что под их ногами, в камнях и земле, уже прочерчен круг.

Он простоял так до рассвета.

Первый свет упал на восточную стену, когда по дворцу пробежал крик. Намджун услышал его издали - женский голос, сорванный, хриплый, полный ужаса. Он рванул в ту сторону, не думая, не выбирая дороги, просто туда, где звук разрывал утреннюю тишину.

Сад за восточным крылом был мал, зажат между высокой стеной и оранжереей. Там редко кто гулял - кусты разрослись, дорожки затянуло мхом, и фонтаны не били уже третий год. Сюда не заглядывали даже садовники.

Сегодня сюда смотрели все.

Тело лежало лицом вверх, раскинув руки, будто в объятии. Молодой мужчина, лет двадцати, в одежде дворцового писца - простой сюртук, испачканный росой и землёй. Кожа серая, губы синие. На губах - лепесток.

Синий лотос.

Намджун остановился в трёх шагах от тела, не в силах подойти ближе. Стража уже оцепила сад, кто-то бежал за лекарем, кто-то кричал, чтобы позвали капитана, кто-то просто пялился, раскрыв рот, на мёртвого мальчика в мокрой траве.

-

Уберите их, - сказал голос сзади. Тихий, сухой, как шелест бумаги. - Всех. Немедленно. Намджун обернулся.

За его спиной стоял человек, которого он видел раньше только на заседаниях Совета всегда в тени, всегда у стены, никогда не произносящего речей вслух. Старший советник Стеллиан. Худой, седой, с глазами, спрятанными в глубоких глазницах, как вода в колодце.

Советник смотрел на тело, не моргая.

Стража расступилась, повинуясь его жесту. Кто-то попытался возразить - Стеллиан перевёл взгляд на говорившего, и тот замолчал на полуслове. Через минуту сад опустел. Остались только трое: тело, советник и Намджун.

-

Вы знаете, что это, - сказал Стеллиан. Это был не вопрос.

Намджун сглотнул. Горло пересохло, язык будто прилип к нёбу.

-

Да, - сказал он.

-

Расскажите.

Намджун вынул карту. Руки дрожали - он не заметил, когда достал её из сюртука, но она уже лежала перед ним, развёрнутая на влажных камнях дорожки, прижатая локтем, чтобы не унесло ветром. Пять красных точек. Пунктир. Линия, уходящая за край.

Он рассказал всё. Быстро, сбивчиво, перескакивая с цифр на расстояния, с расстояний на углы, с углов на даты. Стеллиан слушал молча, не перебивая, и только когда Намджун замолчал, советник опустил взгляд на тело у своих ног.

-

Шестая точка, - сказал Стеллиан. - Она здесь.

-

Я не знал, - начал Намджун. - Я предполагал, но не знал, что именно здесь, что так скоро...

-

Знать не надо, - перебил Стеллиан. - Надо найти тех, кто это делает.

Он помолчал. В саду было тихо, только ветер шевелил листву, и где-то далеко, за стеной, начинал просыпаться город - первые телеги, первые голоса, первый стук молотков.

-

Я не могу обратиться к Инквизиции, - сказал Стеллиан. - Пока я не знаю, кто за этим стоит. Если я открою дело официально, виновные узнают, что мы на их следе. И тогда следующая точка появится быстрее, чем мы успеем моргнуть.

Он повернулся к Намджуну. Глаза советника были тусклыми, без блеска, но в их глубине горело что-то, похожее на голод.

-

Вы картограф. Вы смотрите на город иначе, чем другие. Вы видите линии там, где остальные видят только улицы. Найдите мне этот узор. Найдите мне того, кто его плетёт. И сделайте это тихо.

Намджун хотел возразить. Хотел сказать, что он не сыщик, не воин, не алхимик - он всего лишь человек с циркулем и пером, который рисует карты для тех, кто умеет сражаться. Но слова застряли в горле, когда он снова посмотрел на мёртвого мальчика.

Лепесток на губах потемнел, впитав утреннюю влагу.

-

У вас есть три дня, - сказал Стеллиан. - До Турнира Равноденствия. Если вы не найдёте их к тому времени - они найдут нас.

Советник развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Шаги его затихли за поворотом аллеи, и сад снова опустел, оставив Намджуна наедине с телом, с картой, с пятью красными точками, которые теперь стали шестью - и одна из них лежала прямо у его ног, глядя в небо невидящими глазами.

Намджун свернул карту. Медленно, тщательно, пряча каждый угол, каждую линию, каждую точку. Спрятал в сюртук. Застегнул пуговицу. Провёл ладонью по лицу, стирая усталость, стирая страх, стирая всё, что могло помешать ему видеть.

Три дня.

Он поднял взгляд к дворцовым шпилям, и в утреннем свете они показались ему острыми, как иглы. Город просыпался, не зная, что по его венам уже течёт яд. И где-то в глубине, под камнями и корнями, ждала шестая точка, которая ещё не замкнула круг - но уже дышала.

Глава 2: Тени в библиотеке

Сокджин проснулся за час до рассвета, хотя мог бы спать до полудня. Привычка, оставшаяся с военных походов - тело помнило то, что разум предпочитал забывать.

Он лежал неподвижно, глядя в балдахин кровати, тёмно-синий с золотыми нитями. За окном ещё не рассвело, но город уже ворочался в предутренней дрёме - стук колёс по булыжнику, далёкий оклик, лязг ворот.

Сокджин закрыл глаза и сосчитал до десяти. Потом открыл снова. Вчерашняя картина стояла перед ним чётко, как оттиск на бумаге: тело Намджуна в саду - нет, не тело, а та карта. Пять точек. Шестая. Линии, сходящиеся где-то в центре города, где никто не бывал уже много лет.

Он сел. Откинул одеяло. Босые ноги коснулись холодного деревянного пола, и он позволил этому холоду забрать остатки сна.

Слуга вошёл без стука - старый Ли, который служил ещё его отцу. Принёс воду для умывания, бритву, чистую рубашку. Сокджин принял всё молча, как принимал каждое утро последние двадцать лет.

-

Сегодня пришло письмо, господин, - сказал Ли, не поднимая глаз. - От герцога Ланкастера.

Сокджин замер с полотенцем в руках.

-

И ты решил сообщить мне об этом только сейчас?

-

Оно на столе. Я подумал, вы захотите прочесть его после завтрака.

Сокджин фыркнул, но без злости. Ли знал его привычки лучше, чем он сам - и знал, что новости, полученные натошак, перевариваются хуже.

Он вышел в кабинет. Стол был завален бумагами - отчёты управляющих, прошения, счета за поставки зерна с восточных земель. Сверху, придавленный бронзовым подсвечником, лежал конверт с гербом Ланкастера - два скрещённых меча под короной.

Сокджин вскрыл его ногтем. Пергамент внутри был толстым, с золотым обрезом.

«Лорд Сокджин, - начиналось письмо. Гладкий почерк, без нажима, с закрученными завитками на заглавных буквах. - Имею честь пригласить вас на бал в честь грядущего Турнира Равноденствия, который состоится в моём доме завтра вечером. Ваше присутствие будет для меня великой честью. Среди гостей - члены Совета, послы северных земель и, осмелюсь надеяться, лучшие люди столицы. Жду вас с нетерпением.»

Сокджин перечитал письмо дважды. Потом отложил его в сторону и посмотрел в окно. Рассвет разлился над крышами, розовый и холодный.

-

Ли, - позвал он, не оборачиваясь. - Что говорят в городе о вчерашней ночи? Старый слуга появился в дверях бесшумно. Выдержал паузу, подбирая слова.

-

Говорят, нашли ещё одного. В саду. У дворца.

-

Кто говорит?

-

Все.

Сокджин кивнул. Он знал, что слухи обгоняют официальные донесения, и что к полудню о мёртвом писце будет знать весь город, даже те, кто никогда не подходил к дворцовым воротам.

-

Готовь парадный костюм, - сказал он. - Синий, с серебром. И найди мне портного до обеда.

Ли поднял бровь - единственное выражение удивления, которое он позволял себе за тридцать лет службы.

-

Портного, господин?

-

Мне нужно новое лицо, Ли. Такое, чтобы никто не вспомнил меня наутро после бала.

Старик понял. Короткий кивок - и он исчез за дверью, оставив Сокджина одного с письмом и с мыслью о том, что бал герцога Ланкастера - лучшее место, чтобы услышать то, о чём молчат официальные доклады.

Сокджин подошёл к зеркалу, висевшему у окна. В серебряной глади отражался человек, которого все знали как Принца Алого Камня - беспечного, легкомысленного, вечно с бокалом и улыбкой. Тот, кто приходит на бал, чтобы танцевать, а не думать. Тот, кто говорит громко и слушает вполуха.

Он надел эту маску десять лет назад, когда стало ясно, что в столице выживает только дурак - или тот, кто умеет притворяться дураком. Маска приросла к лицу, срослась с кожей, стала второй натурой. Иногда он сам забывал, что под ней - есть ли что-то вообще.

Но сегодня утром, глядя на своё отражение, он видел другое. Он видел человека, который получил письмо от герцога Ланкастера - и знал, что это не случайность. Слишком вовремя. Слишком гладко. Бал накануне Турнира, когда весь город гудит от слухов, а Инквизиция закручивает гайки, и кто-то оставляет мёртвые тела в дворцовых садах с цветами на губах.

Сокджин улыбнулся зеркалу. Улыбка вышла лёгкой, почти скучающей.

-

Что ж, - сказал он вслух. - Посмотрим, что вы заготовили для меня, герцог.

Он повернулся к столу, взял письмо и аккуратно сложил его вдвое. Потом - ещё раз, и ещё, пока оно не превратилось в плотный квадрат, который легко поместился в карман сюртука. Герцог Ланкастер звал его на бал - и Принц Алого Камня, конечно, придёт. С улыбкой, с бокалом, с видом человека, которого интересуют только танцы и вино.

Но под маской будет тот, кто ищет ответы.

И кто не остановится, пока не найдёт их.

Дворецкий провёл Намджуна через боковой коридор, мимо кухонь и прачечных, туда, где пахло старой бумагой и воском. Архив располагался в северном крыле, под самой крышей туда редко заглядывали придворные, и ещё реже - Инквизиция.

-

Леди Ариэль обычно работает до полудня, - сказал дворецкий, останавливаясь у дубовой двери с медной табличкой. - Если она вам понадобится, господин.

Намджун кивнул. Дворецкий ушёл, и шаги его стихли в каменном коридоре.

Он толкнул дверь.

Внутри было пыльно и светло. Солнце пробивалось сквозь высокое окно, затянутое паутиной, и ложилось на столы длинными золотыми полосами. Стеллажи уходили вверх, к потолку, теряясь в тени. Пахло плесенью, чернилами и чем-то ещё - может быть, сушёными травами, разложенными между страниц для защиты от жуков.

Леди Ариэль сидела за столом у окна. Спина прямая, локти на столе, голова наклонена над раскрытым фолиантом. Очки - круглые, в тонкой медной оправе - сидели на переносице чуть криво, и она то и дело поправляла их указательным пальцем, не отрывая взгляда от страницы.

Намджун кашлянул.

Она подняла голову. На мгновение в её глазах мелькнула растерянность - она явно не ожидала посетителей. Потом она узнала его, и растерянность сменилась любопытством.

-

Господин картограф, - сказала она. Голос тихий, но твёрдый. - Вы редко заходите в архив. Обычно я сама приношу вам книги.

-

Сегодня я пришёл сам, - сказал Намджун.

Он закрыл за собой дверь. Щелчок замка прозвучал громче, чем он ожидал.

Ариэль сняла очки и протёрла их краем рукава. Без них её лицо казалось моложе, уязвимее - но глаза остались такими же внимательными, цепкими, как у человека, привыкшего замечать детали.

-

Вы что-то ищете, - сказала она. Не вопрос - утверждение.

Намджун подошёл к столу. Достал из внутреннего кармана свернутый вчетверо лист - свою карту, ту самую, с шестью красными точками. Развернул её на столе, прижав углы ладонями, чтобы она не свернулась обратно.

Ариэль надела очки и наклонилась к карте. Её пальцы - тонкие, с чернильными пятнами на подушечках - скользнули по пергаменту, касаясь точек, не задевая их.

-

Пять точек, - сказала она. - И одна отдельно. Что это?

-

Места, где нашли тела, - сказал Намджун. - За последние два месяца.

Она подняла взгляд. Встретилась с ним глазами. За очками её зрачки расширились - на мгновение, почти незаметно.

-

Я слышала о вчерашней ночи, - сказала она. - О теле в саду. Но пять других...

-

О них молчат, - сказал Намджун. - По приказу капитана Ноа. Он считает, что паника опаснее правды.

-

А вы считаете иначе.

-

Я считаю, что паника опаснее, когда правда всплывает слишком поздно.

Ариэль помолчала. Потом снова посмотрела на карту, провела пальцем от одной точки к другой, повторяя контур пятиугольника.

-

Это геометрия, - сказала она. - Не случайность. Вы это знаете.

-

Я это знаю, - сказал Намджун. - Но мне нужно больше. Мне нужны старые записи. О символах. О ритуалах. О том, что может быть связано с синим лотосом.

Она замерла. Её палец остановился на центральной точке - на месте, где на карте значилось «Заброшенная обсерватория».

-

Синий лотос, - повторила она. Голос сел до шёпота. - Откуда вы знаете это название?

-

Я не знаю, - сказал Намджун. - Я догадываюсь. Лепестки на телах - они не простые. Я видел такой рисунок раньше, в старых книгах. В тех, которые запрещены.

Ариэль отодвинулась от стола. Сняла очки, положила их рядом с картой. Потом встала и подошла к стеллажу, где книги стояли в два ряда, прижатые друг к другу корешками.

-

Запрещённые книги не хранят в архиве, - сказала она, не оборачиваясь. - Их сжигают. Или запирают в подвалах Инквизиции.

-

Но вы знаете, где искать, - сказал Намджун. - Я прав?

Она помолчала. Её рука скользнула по корешкам, остановилась на одной книге - толстой, в потёртом кожаном переплёте, без названия на обложке.

-

Есть старые манускрипты, - сказала она тихо. - Те, что переписаны до того, как Инквизиция ввела цензуру. Они хранятся не в архиве, а в личных коллекциях. У людей, которые не боятся смерти.

-

Или у тех, кто достаточно умен, чтобы прятать их, - сказал Намджун.

Ариэль обернулась. В глазах её мелькнуло что-то - удивление? Признание?

-

У меня есть одна такая книга, - сказала она. - «Хроники Элизии», том третий. Написан до Великого Очищения. В нём упоминаются... ритуалы. Старые. Те, что Инквизиция называет ересью.

Она вытащила книгу с полки - не ту, что трогала, а соседнюю, такую же потёртую, с выцветшими буквами на корешке.

-

Это не та, - сказала она, заметив его взгляд. - Та книга дома. Я принесу её завтра. Намджун покачал головой.

-

Завтра может быть поздно. Три дня - вот сколько у меня есть. Стеллан дал мне три дня.

-

Стеллан? - Ариэль нахмурилась. - Теневой советник?

-

Он знает больше, чем говорит, - сказал Намджун. - Он предупредил меня о шестой точке до того, как нашли тело. Он знал, что будет ещё одна жертва.

Ариэль вернулась к столу. Села, сложив руки перед собой. Взгляд её стал жёстче, сосредоточеннее - как у человека, который принимает решение.

-

Если я принесу вам книгу, - сказала она, - меня могут обвинить в ереси. Инквизиция не спрашивает, зачем вы читаете запрещённое. Для них достаточно того, что вы его читаете.

-

Я знаю, - сказал Намджун. - Поэтому я прошу вас как равный - не как подчинённый, не как проситель. Я прошу вас как человек, который не хочет, чтобы завтра нашли седьмое тело.

Она посмотрела на него долго. Потом сняла очки, протёрла их снова - хотя они были чисты и надела обратно.

-

Хорошо, - сказала она. - Я принесу книгу. Сегодня вечером. Встретимся здесь, после захода солнца.

-

Почему после захода?

-

Потому что днём у меня работа, - сказала она, и в голосе её мелькнула тень улыбки. - А ещё потому, что в темноте нас никто не увидит.

Намджун кивнул. Сложил карту, убрал во внутренний карман.

-

Спасибо, - сказал он.

-

Не благодарите, - сказала Ариэль. - Я делаю это не для вас. Я делаю это потому, что если вы правы - если эти точки действительно что-то значат - то молчание хуже, чем любая ересь.

Она взяла книгу, которую вытащила с полки, и открыла её на середине. Пальцы её забегали по страницам, отыскивая нужную запись.

Намджун понял, что его отпускают. Он повернулся к двери, но на пороге остановился.

-

Леди Ариэль, - сказал он, не оборачиваясь. - Я знаю, что вас считают странной. Я слышал, как придворные шепчутся за вашей спиной. Говорят, что вы слишком много читаете. Что ваш ум - не женское дело.

Она не ответила. Но он услышал, как перестали шелестеть страницы.

-

Я не считаю вас странной, - сказал он. - Я считаю вас умной. И, кажется, сейчас это единственное, что может нас спасти.

Он вышел в коридор, закрыл за собой дверь и прислонился спиной к холодному камню стены. Сердце билось чаще, чем следовало - от разговора, от риска, от того, что он только что втянул в это дело другого человека.

Но другого пути не было. Карта молчала. Ему нужны были слова - старые слова, написанные до того, как их запретили.

И Ариэль была единственной, кто мог их прочитать.

Солнце село за час до того, как Намджун вернулся в архив. Коридоры дворца опустели придворные разошлись по покоям, стража сменилась у ворот, и только редкие факелы горели в каменных нишах, бросая дрожащий свет на стены.

Дверь архива была приоткрыта.

Он толкнул её - и сразу увидел Ариэль. Она сидела за тем же столом, но теперь перед ней лежала другая книга - толстая, в потёртом кожаном переплёте, с медными застёжками на боковой стороне. Одна застёжка была сломана, и ремешок болтался, касаясь стола при каждом движении воздуха.

Она не обернулась на звук шагов. Смотрела на раскрытую страницу, и пальцы её лежали на пергаменте - не касаясь, а будто пытаясь ощутить тепло букв.

Намджун закрыл дверь. Задвинул засов - тот самый, что он заметил утром, тяжёлый, кованый, явно не использовавшийся годами. Металл скрежетнул, вставая на место.

-

Вы пришли, - сказала Ариэль. Голос её звучал глухо, будто она говорила из другого помещения.

-

Я обещал.

Он подошёл к столу. Сел напротив неё. В масляной лампе, стоявшей между ними, пламя дрожало, отбрасывая тени на лицо Ариэль, на её очки, на страницу, которую она рассматривала.

-

Это «Хроники Элизии», - сказала она. - Том третий. Написан в двести сорок седьмом году от основания королевства. За сорок лет до Великого Очищения.

Она перевернула несколько страниц. Пальцы её остановились на одной, где текст был написан уже не чёрными чернилами, а тёмно-синими - почти чёрными, но с едва заметным отливом, который ловил свет лампы.

-

Вот, - сказала она. - Глава о еретических культах. Список запрещённых орденов, уничтоженных до Очищения. И среди них - «Синий Лотос».

Намджун наклонился ближе. Буквы были мелкими, выведенными острой палочкой, с наклоном вправо. Язык - старый, архаичный, с оборотами, которые уже не использовались при дворе. Но он понимал достаточно.

«Орден Синего Лотоса, - прочитал он вслух, водя пальцем по строкам, - возник в тени восточных гор, среди руин древних храмов, где земля помнит голоса тех, кто пришёл до человека. Братья ордена верили, что мир не един - что за гранью видимого лежит пустота, полная шёпота, и что тот, кто услышит этот шёпот, сможет переписать законы бытия.»

Он замолчал. Ариэль сидела неподвижно, глядя на страницу, будто ожидая, что слова сами сложатся в ответ.

-

Что дальше? - спросила она.

Намджун провёл пальцем ниже.

«Ритуалы ордена требовали точности. Каждая жертва должна была быть принесена в определённом месте, в определённое время, с определённым знаком. Тела отмечали лепестком

лотоса - синего, как небо перед грозой, - и оставляли на перекрестках, у фонтанов, на рыночных площадях, в садах. Семь точек. Семь жертв. Седьмая открывает врата.»

Ариэль втянула воздух сквозь зубы.

-

Семь, - сказала она. - У вас шесть.

-

Шесть, - подтвердил Намджун. - Пятая - в обсерватории. Шестая - в саду. Седьмая...

Он посмотрел на неё. В глазах её отражалось пламя лампы, и на мгновение ему показалось, что она видит то же, что и он - пустую точку на карте, место, где ещё не упал лепесток.

-

Седьмая откроет врата, - закончила она за него.

Намджун перевернул страницу. Текст продолжался, но почерк становился более торопливым, будто писец спешил закончить главу.

«Орден был уничтожен в двести восемьдесят девятом году, после того как попытка открыть врата привела к катастрофе. По свидетельствам очевидцев, небо над столицей почернело на три дня, и из разрыва вырвались тени, которые пожирали свет. Только ценой жизни трёх магистров и полного разрушения восточного крыла дворца удалось закрыть проход. С тех пор ритуалы Синего Лотоса запрещены под страхом смерти, а любое упоминание о них подлежит уничтожению.»

Ариэль сняла очки. Потёрла переносицу, где остался красный след от оправы.

-

Три магистра, - сказала она. - Ценой жизни. И вы думаете, что кто-то хочет повторить это?

-

Я думаю, что кто-то уже повторил, - сказал Намджун. - Пять точек. Пять жертв. Шестая - в саду. И если седьмая будет принесена...

Он не договорил. Ариэль понимала.

-

Но кто? - спросила она. - Кто может знать эти ритуалы? Кто может их исполнять, если Инквизиция уничтожила всех, кто был связан с орденом?

«Инквизиция, - подумал Намджун. - Или кто-то внутри неё.»

Он не сказал этого вслух. Но Ариэль, кажется, прочитала это по его лицу.

-

Вы подозреваете кого-то в церкви? - спросила она тихо.

-

Я пока никого не подозреваю, - сказал Намджун. - Я собираю факты. И факты говорят, что кто-то в этом дворце знает о ритуалах больше, чем должен. Кто-то, кто может организовать убийства так, чтобы они остались незамеченными. Кто-то, у кого есть доступ к запрещённым книгам - или к тем, кто их читал.

Она посмотрела на книгу. Потом на него. Потом снова на книгу.

-

Я нашла это в доме моего дяди, - сказала она. - После его смерти. Он был антикваром, собирал старые манускрипты. Я не знала, что это запрещённая книга, пока не начала её читать. А когда поняла - было уже поздно. Я не могла её уничтожить. Она была слишком... важной.

-

Вы сделали правильно, - сказал Намджун. - Если бы вы её сожгли, мы бы сейчас не знали о седьмой точке.

Она слабо улыбнулась. Улыбка вышла грустной, почти неуловимой.

-

Значит, мы ищем седьмую точку, - сказала она. - Место, где будет принесена последняя жертва.

Намджун кивнул. Достал карту, развернул её на столе, прижав углы подсвечником и книгой.

-

Пять точек образуют пятиугольник, - сказал он, водя пальцем по контуру. - Шестая вершина, направленная на дворец. Если геометрия сохраняется, седьмая точка должна быть...

Он замолчал. Палец его остановился на пустом месте карты - за пределами городских стен, у подножия холма, на котором стояла старая крепость.

-

Здесь, - сказал он.

Ариэль наклонилась, всматриваясь. Холм, крепость, дорога, ведущая к воротам. И больше ничего.

-

Что там? - спросила она.

-

Ничего, - сказал Намджун. - Ровно ничего. Зброшенная крепость, которую не использовали со времён гражданской войны. Сейчас там только руины и трава.

-

Идеальное место для ритуала, - сказала Ариэль.

Намджун поднял взгляд. Встретился с ней глазами. В них не было страха - только холодная решимость, такая же, как у него самого.

-

Нам нужно туда, - сказал он.

-

Сегодня?

-

Завтра. На рассвете. Сейчас слишком темно, и стража патрулирует улицы. Но завтра, когда город проснётся...

-

Я с вами, - сказала она.

-

Это опасно.

-

Я знаю. Но если вы правы, и седьмая точка - там, то кто-то должен это увидеть. Кто-то, кто сможет это записать.

Она взяла книгу, закрыла её. Застёжки щёлкнули, вставая на место.

-

Я буду готова, - сказала она. - Встретимся у восточных ворот, когда колокол пробьёт шесть.

Намджун хотел возразить. Хотел сказать, что она не должна рисковать, что это его дело, его расследование, его долг. Но слова застряли в горле.

Потому что он понимал: она права. Ему нужен был кто-то, кто сможет записать, запомнить, расшифровать. И она была единственной, кому он доверял.

-

Хорошо, - сказал он. - В шесть.

Бальный зал герцога Ланкастера сиял сотнями свечей. Огни отражались в хрустальных подвесках люстр, дробились на тысячу искр, скользили по шёлку платьев и лакированным

сапогам мужчин. Воздух тяжёлый - смесь духов, воска, пота и вина. Сокджин стоял у колонны, у дальней стены, где тени сгущались, а свет доходил ослабевшим, жёлтым.

Костюм сработал. Тёмно-серый камзол без вышивки, узкий воротник, никаких драгоценностей - только простое серебряное кольцо на мизинце. Лицо он прикрыл полумаской, чёрной, без украшений. Один из десятков одинаковых гостей. Забываемое лицо. Именно так, как он задумал.

Уже три часа он переходил от группы к группе, подливал вино, кивал, улыбался в ответ на шутки. Слушал. Аристократы любили говорить при слугах и незнакомцах - они считали их пустыми местами, мебелью, у которой нет ушей.

-

Вы слышали о саде? - спросил кто-то слева, за его спиной.

Голос женский, высокий, с лёгкой хрипотцой. Сокджин не обернулся. Взял с подноса проходящего лакея бокал, сделал глоток, задержал дыхание.

-

Ещё одно тело, - ответил другой голос, мужской, низкий. - В дворцовом саду. Моя экономка слышала от поварёнка, тот видел, как выносили носилки, накрытые простынёй. Синее на губах, говорил.

-

Не смейте произносить это здесь, - резко оборвала женщина.

Шорох ткани. Шаги удалялись, смешивались с шумом зала. Сокджин медленно поставил бокал на подоконник. Сердце билось ровно, но внутри холод, липкий и знакомый. Он слышал о шестом теле. Но сейчас - другое. Кто-то в этом зале знал о лепестке на губах. Эта деталь не была объявлена публично.

Он двинулся вдоль стены, держась в тени. Вокруг ротонды, где оркестр играл медленную мелодию, толпились пары. Сокджин обогнул их, вышел в боковую галерею. Здесь было тише - только отдалённые звуки музыки, приглушённые тяжёлыми портьерами.

В конце галереи стояли двое: пожилой мужчина в синем и молодая женщина в золотом. Они говорили, наклонившись друг к другу, почти касаясь лбами. Сокджин остановился у колонны, сделал вид, что поправляет пряжку на сапоге.

-

Когда она будет готова? - спросил мужчина. Голос глухой, с металлическим оттенком.

-

После турнира, - ответила женщина. - Когда упадет последний лепесток, откроются врата.

-

Вы уверены, что это работает? Мы уже потеряли шестерых. Шестеро - и никакого знака.

-

Седьмая откроет. Так написано.

Сокджин замер. Пальцы перестали двигаться, застыли на ремне сапога. Последний лепесток. Врата. Седьмая. Слова из хроники, которую ему показывал Намджун, слова, которые они искали.

-

Кто будет седьмым? - спросил мужчина.

-

Чемпион. На арене, на глазах у всех. Толпа вскормит врата своей верой.

Женщина повернулась. Сокджин не видел её лица - только профиль, острый, как лезвие. Она скользнула в боковой проход, мужчина последовал за ней. Шаги стихли.

Сокджин выпрямился. Дыхание стало глубже. Чемпион. Не просто жертва. Чемпион турнира. Убийство на арене - и тысячи зрителей увидят это как несчастный случай. Или как часть ритуала.

Он шагнул к проходу, но остановился. Сзади - тихий скрип половицы. Сокджин не обернулся.

Он знал этот звук. Кто-то стоял у входа в галерею, наблюдал. Следил.

-

Милорд, - раздался голос. Тонкий, сладкий, с приторной вежливостью. - Вы ищете кого-то?

Сокджин медленно повернулся. Перед ним стоял лакей - но не обычный. Слишком прямая спина, слишком острый взгляд, руки сложены перед собой с излишней точностью. Не лакей. Соглядатай.

-

Ищу уборную, - сказал Сокджин легко, улыбнувшись. - Вино, знаете ли, делает своё дело. Лакей не улыбнулся в ответ. Глаза его скользнули по фигуре Сокджина, по его лицу под маской, по кольцу на мизинце. Запомнили. Считали.

-

Второй коридор налево, затем направо, - сказал лакей. - Проводить?

-

Не нужно, я найду.

Сокджин прошёл мимо него, держа шаг ровным, не ускоряясь. Спина чувствовала взгляд, как прикосновение холодного металла. Он свернул в коридор, отсчитал шаги до второго поворота - и резко нырнул в боковую нишу, за тяжёлую бархатную портьеру.

Сердце билось отчётливо, сильно. Жар от свечей не проникал сюда - только лунный свет, разбитый на полосы высокими окнами. Сокджин стоял неподвижно, прижавшись спиной к холодной стене, и слушал.

Шаги. Медленные, уверенные. Лакей прошёл мимо ниши, не остановился. Но в конце коридора замер. Стоял и слушал. Сокджин затаил дыхание. Тишина тянулась, вязкая, как патока.

Шаги двинулись дальше. Стихли вдали.

Сокджин выждал ещё минуту. Затем бесшумно вышел из ниши и направился к боковому выходу. Ноги несли его через кухни, через кладовые, мимо спящих слуг, к двери на задний двор. Он вышел в ночь, в холодный воздух, полный запаха сырой земли и угля.

Замок за его спиной сиял, смеялся, танцевал. Сокджин не обернулся. У него теперь было имя, место и срок. Последний лепесток упадёт на турнире.

Он знал, куда идти утром.

Час до полуночи. Архив тонул в синеве - единственная свеча на столе, залитая воском, почти догорела. Намджун сидел на корточках перед низким дубовым шкафом, перебирая свитки. Пальцы скользили по пыльному пергаменту, по сухой коже переплётов. Сзади шелест страниц. Ариэль стояла у кафедры, листала хронику, которую принесла. Запрещённую. Спрятанную под плащом.

-

Здесь, - сказала она. Голос тихий, но в тишине архива он звучал как удар колокола.

Намджун поднялся. Мышцы затекли - он не замечал времени. Подошёл к кафедре. Ариэль развернула книгу - старую, в тёмном переплёте, с обожжёнными краями страниц. Она указала на гравюру: сеть линий, переплетающихся под городом, как корни дерева.

-

Лей-линии, - сказала она. - Древние каналы. По ним течёт то, что осталось от магии.

Инквизиция думает, что уничтожила их, но вырезать их нельзя - это жилы земли. Можно только запечатать.

Намджун склонился ближе. Линии на гравюре сходились в узлы, и один из узлов - под центральной площадью. Под Турнирной ареной.

-

У тебя есть карта города? - спросила Ариэль.

Он развернул свою. Ту, с шестью красными точками. Разгладил края. Она взяла перо, обмакнула в чернила - и провела линию от первого трупа к третьему. Затем к пятому. Её рука двигалась уверенно, словно она видела узор не на пергаменте, а в голове, выученный годами тихого чтения.

-

Они не просто складывали тела, - сказала она. - Они активировали узлы. Каждая смерть заряд в сеть.

Намджун смотрел, как чернила впитываются в бумагу. Красные точки соединялись линиями - и образовывали не просто пятиугольник. Внутри него проступал второй рисунок, более тонкий. Звезда.

-

Седьмая точка, - сказал он. - Ты говорила, что ритуал требует семи жертв.

-

Да. Шесть внешних и одна внутренняя. Центральная.

Ариэль отложила перо. Её пальцы коснулись пергаamenta, указывая на пустое место в центре звезды. Намджун потянулся туда же - посмотреть точнее. Их руки встретились над пергаментом. Костяшки пальцев, тёплые, живые, соприкоснулись.

Он не отдернул руку. Она тоже.

Тишина стала другой - не пустой, а наполненной. Намджун слышал её дыхание. Видел, как тень от свечи дрожит на её скулах, на стекле очков, на губах, чуть приоткрытых. Она смотрела на него - не на карту. Взгляд серый, спокойный, но с искрой внутри, которую он раньше не замечал.

-

Центральная точка, - сказал он, и голос прозвучал хрипло. Он прочистил горло. - Что находится в центре?

Ариэль медленно отвела руку. Повернулась к книге, перелистнула страницу. Намджун почувствовал, как тепло от её пальцев исчезло с его кожи.

-

Старая крепость, - сказала она. - За городскими стенами. Руины, которые стоят дольше, чем само королевство. В хрониках их называют Теневым Порогом.

Намджун посмотрел на карту. На линии, на точки, на пустой центр. Он знал эти руины видел их с башни, на горизонте, чёрные зубцы на фоне заката. Всегда считал их забытыми.

-

Когда последняя жертва? - спросил он.

-

На турнире. В день равноденствия.

Три дня. У них три дня, чтобы найти истину, пока Седьмая не стала финальной точкой на этой карте.

Ариэль закрыла книгу. Встала. Свеча догорела - пламя дрогнуло, затрепетало, истаяло в синюю струйку дыма. В темноте только лунный свет из высокого окна, серый, холодный. Намджун видел её силуэт, тонкий, прямой.

-

Завтра на рассвете, - сказала она. - Ворота открываются с первыми петухами.

-

Я буду.

Она шагнула к выходу, но остановилась. Не обернулась. Сказала в темноту:

-

В той хронике есть ещё одна страница. Я не показала её тебе. Там написано, что врата пустоты, однажды открытые, не закрываются до конца. Они ждут. Всегда ждут.

Ариэль вышла. Шаги стихли в коридоре.

Намджун остался один в темноте архива. Перед ним - карта с красными точками, переплетёнными чернильными линиями. Его собственное сердце билось в такт узору, который он нарисовал. Он протянул руку, коснулся центра звезды - того места, где всего минуту назад лежали её пальцы.

Бумага ещё хранила тепло.

Глава 3: Алхимик из катакомб

Темнота архива стала густой, как смола. Намджун сидел за столом, не зажигая новой свечи - лунного света хватало, чтобы видеть очертания карты. Белые пятна бумаги в сером сумраке. Красные точки, как капли запёкшейся крови.

Он вытянул из стопки чистый лист пергамента. Положил поверх своей карты. На ощупь нашёл угол, выровнял края. Взял угольный карандаш - тонкий, остро заточенный. И начал.

Первая линия. От фонтана в Старом квартале - к мосту у северных ворот. Лей-линия из хроники Ариэль проходила именно там, под руслом реки, на глубине двадцати футов. Он провёл черту. Вторая. От моста - к сгоревшей пекарне на улице Ткачей. Третий труп. Пекарня стояла ровно над узлом, где две линии пересекались.

Он работал молча. Только скрип карандаша по пергаменту и собственное дыхание, слишком громкое в пустоте.

Третья линия. Четвёртая. Пятая. Шестая - от дворцового сада, где нашли тело с лепестком на губах, вела к востоку, к линии городской стены. Он остановился. Проверил угол. Проверил снова. Карандаш дрогнул.

Линии не сходились.

Он откинулся на спинку стула. Потёр глаза ладонями - под веками вспыхнули цветные пятна. Сколько он уже сидит? Час? Два? Луна сместилась за окном - теперь она стояла над шпилем южной башни. Поздно. Или рано.

Намджун встал. Прошёлся вдоль стеллажей. Остановился у окна. Город спал. Ни огонька в домах, ни факелов на перекрёстках. Только луна и тени.

Он вернулся к столу. Посмотрел на карту сверху, как смотрят на шахматную доску после проигранной партии. Шесть точек. Шесть линий. Шесть узлов. А седьмой - пустота. Центр звезды. Но крепость за стенами, Теневой Порог, не лежал на пересечении линий. Он был в стороне. Смещён. Как будто рисунок был неполным.

Он снова взял карандаш. Провёл седьмую линию не от центра, а от первого убийства к последнему. Потом от второго к предпоследнему. Перекрестил. Измерил расстояние между точками пересечения. Разделил пополам. Карандаш остановился.

Рынок.

Подземный перекрёсток под Торговой площадью. Там, где сходились четыре старых тоннеля - водопровод, ливнёвка, заброшенный погреб и ход, отмеченный на картах как «засыпанный». Намджун знал это место. Два года назад он обмерял его для плана канализации. Спускался вниз, стоял в сырости, слушал, как капает вода.

Перекрёсток был пуст. Но линии - линии сходились именно там.

Он провёл пальцем по пергаменту. От каждой из шести красных точек - к чёрной точке на площади. Тонкие, почти невидимые линии. Все шесть. Все сошлись.

Не крепость. Не Порог.

Перекрёсток.

Седьмая жертва будет принесена не на руинах за стеной. Её принесут под городом. Под ногами тысяч людей, которые придут на турнир. И никто не услышит крика - его заглушат аплодисменты.

Намджун отложил карандаш. Пальцы дрожали - от холода или от напряжения, он не знал. Он смотрел на карту, на сеть линий, на точку в центре, и понимал: они искали не там. Крепость была ложным следом. Или частью более сложного узора, который он пока не видел.

За окном начало сереть. Первые петухи.

Он свернул пергамент. Сунул за пазуху. Взял свечной огарок - бесполезный, но привычный вес в руке. Вышел из архива в коридор, где уже брезжил рассвет, серый, сырой, пахнувший известкой и углём.

Перекрёсток. Он успеет предупредить Ариэль до того, как она пойдёт к крепости. Но сначала - спуститься туда самому. Увидеть своими глазами. Измерить шагами.

Намджун зашагал к лестнице. Шаги гулко отдавались в пустом коридоре.

Он вышел во двор до рассвета. Городская стена ещё тонула в синеве. Намджун пересёк плац - сапоги скрипели по мокрой брусчатке, воздух пах гарью от ночных факелов и сырой землёй.

Она ждала у ворот. Серая накидка, капюшон наброшен - тень скрывала лицо, но он узнал её по тому, как она держала книгу: двумя руками, прижав к груди, словно ребёнка или оружие. - Я думала, мы идём к крепости, - сказала Ариэль тихо, когда он приблизился.

-

Нет. - Он вытащил карту из-за пазухи, развернул на полотне сложенных рук. - Я пересчитал ночью. Смотри.

Она склонилась. Её палец скользнул по линиям - от красных точек к чёрной отметке на Торговой площади. Она ничего не сказала. Просто смотрела, и он видел, как понимание стягивает её лицо.

-

Подземный перекрёсток, - сказала она наконец. - Четыре тоннеля.

-

Ты знаешь это место?

-

Знаю по планам водоснабжения. - Она подняла взгляд. - И по слухам. Говорят, там что-то прячут. Или кого-то.

Они пошли через ещё спящий город. Лавки закрыты, ставни заколочены. Только пекарь у дальней улицы возился с углями - красный свет падал на его лицо, и он не обернулся, когда они прошли мимо.

Люк на Торговой площади был вделан в камень между прилавком мясника и пустой бочкой. Чугунная крышка, ржавая, с проушиной. Намджун поставил ногу на край, дёрнул крышка не поддавалась. Он дёрнул сильнее. Края скрежетнули по камню, но крышка даже не шелохнулась.

-

Заперто, - сказал он.

Ариэль опустила на колени. Провела пальцем по щели между крышкой и камнем, потом поднесла палец к носу. Понюхала.

-

Свежий жир. - Она выпрямилась. - Смазывали недавно. Чтобы открывалась без скрипа. Он посмотрел на неё. Она не отвела взгляд.

-

Значит, здесь, - сказал он. И дёрнул крышку плечом, навалившись всем весом.

Металл поддался. С глухим чмокающим звуком крышка отвалилась, открыв чёрный провал. Оттуда пахло сыростью, старым кирпичом и чем-то ещё - металлическим, острым, как запах крови, оставленной на лезвии на ночь.

Намджун зажжёт свечу. Жёлтый свет лизнул стены узкого колодца - кирпичные ступени уходили вниз, скручиваясь спиралью.

-

Я первый, - сказал он. - Держись за мной. И не закрывай книгу, если будет темно.

Она кивнула. Он ступил на первую ступень. Камень под ногой был скользким - не от воды, от чего-то липкого. Он не стал смотреть. Спускался медленно, считая шаги.

Девять. Пятнадцать. Двадцать один.

Ступени кончились. Он ступил на землю - твёрдую, утрамбованную. Поднял свечу.

Тоннель уходил в три стороны. Своды низкие - он мог коснуться потолка вытянутой рукой. Стены из старого камня, кое-где выложенные кирпичом поздней кладки. Следы воды на стенах - ржавые потёки, белые разводы соли.

Ариэль спустилась следом. Её дыхание было ровным, но он слышал, как она сглотнула.

-

В какую сторону? - спросила она.

Он посмотрел на карту. Свеча дрожала в руке, тени металась по сводам. Центр звезды здесь, под ногами. Но линии на пергаменте не указывали направления. Они просто сходились.

-

Прямо, - сказал он. Выбрал средний тоннель - тот, что уходил на восток, под турнирную площадь.

Они пошли. Шаги отдавались глухо - звук гас в сырости, не возвращаясь эхом. Через пятьдесят шагов тоннель расширился. Свод поднялся. Впереди показалось пространство круглая камера, шагов двадцать в диаметре. Стены гладкие, без кладки. Вырубленные в скале.

р>В центре камеры стоял камень. Плоский, тёмный, с вырезанными на нём знаками - круги, пересекающиеся линии, точки. Он не подошёл ближе. Свечного света хватало, чтобы увидеть: камень не пустой. На нём что-то лежало - белое, сложенное, как свёрток.

-

Не подходи, - сказал он, но Ариэль уже шагнула вперёд.

Свод над ними дрогнул. Сначала он подумал - землетрясение, но звук был не снизу, а сверху: скрежет металла, лязг, шаги. Много шагов. Тяжёлые сапоги, железо.

-

Намджун. - Голос Ариэль был тихим и твёрдым. Она смотрела не на камень, а назад, в тоннель, откуда они пришли.

Там стояли силуэты. Три. Пять. Семь. Факел осветил их лица - капюшоны, стальные нагрудники, эмблема на щитах. Инквизиция.

-

Не двигаться, - сказал голос из-под капюшона. - Именем Святого Трибунала, вы арестованы за ересь и незаконное проникновение.

Намджун шагнул назад. Камень в центре камеры оказался у него за спиной. Он слышал, как зазвенели цепи - кто-то из инквизиторов надевал кандалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.